

■ ЗАКОН СИЛЬНОЙ

Криминальное соло Марины Крамер

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ НОВОЙ ЗВЕЗДЫ КРИМИНАЛЬНОЙ МЕЛОДРАМЫ

МАРИНЫ КРАМЕР

Мое жестокое счастье, или Принцессы тоже плачут
Все оттенки желаний
Привилегия женщин
Тайны взрослых девочек

Сериал «Журналистка из Изумрудного города»

Жить на свете стоит
Умереть, чтобы жить

Сериал «По прозвищу Щука»

Я не ангел
Не верь, не бойся, отпусти
Соблазны Снежной королевы
Закон ее прошлого

Сериал «Кодекс жены самурая»

Три женских страха
Дочь мафии
Жена самурая
Последнее японское предупреждение
Школа выживания волчицы

Сериал «Черная вдова Марина Коваль»

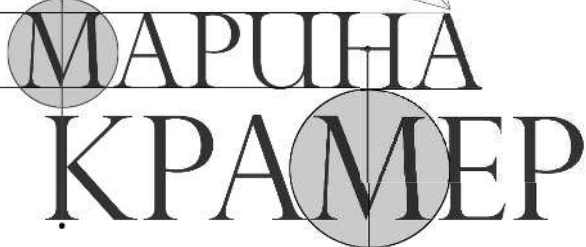
Черная вдова, или Ученица Аль Капоне
Нежная стерва, или Исход великой любви
Первая леди города, или Между двух берегов
Госпожа страсти, или В аду развод не принят
Карающая богиня, или Выстрел в горячее сердце
Королева мести, или Уйти навсегда
Роскошная хищница, или Сожженные мосты
Хозяйка жизни, или Вендетта по-русски
Мост в прошлое, или Паутина для Черной вдовы
Инкогнито грешницы, или Небесное правосудие
Визит с того света, или Деньги решают не все
Судьбу не изменить, или Дамы выбирают кавалеров
Охота на мстителя, или Дамы убирают кавалеров

Сериал «Танго под прицелом»

Мэри, или Танцы на лезвии
Марго, или Люблю-ненавижу
Алекс, или Девушки любят негодяев
Дар великой любви, или Я не умею прощать
Финальный танец, или Позови меня с собой

Сериал «Сердце следователя»

Требуется влюбленное сердце
Время злых чудес
Силиконовая надежда

МАРИША
КРАМЕР

УБЕЙ
СВОЮ
ЛЮБОВЬ

Москва

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К77

Дизайн серии *С. Прохоровой*
Оформление обложки *К. Гусарева*

Крамер, Марина.

К77 Убей свою любовь : [роман] / Марина Крамер. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Закон сильной. Криминальное соло Марины Крамер).

ISBN 978-5-04-098473-2

Александра сумела спасти своего отца и выжить в страшной бойне на речном причале, в которой погибли трое телохранителей и брат Вячеслав. Но ей по-прежнему ничего не известно о человеке, стремящемся уничтожить их семью. Конечно, у старых знакомых Сашиного отца есть достаточно причин для ненависти, и возможно даже, мотивов для убийства. Но кто тот единственный человек, ступивший на тернистый путь мести? Любимый муж Саши, Акела, выяснил — след ведет к Бесо, ближайшему другу семьи... Кружить вокруг да около не в характере Александры: она не откладывая отправилась к Бесо с неприятными вопросами. Тот сразу вспомнил, что недавно по просьбе жены подписал два пустых листа... А вскоре после этого в машине Али и Акелы прогремел взрыв!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098473-2

© Крамер М., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Полутемный зал ресторана а-ля рюсс пустовал. Белые крахмальные скатерти, сияющие серебром приборы, прозрачные бокалы — все ждало вечера, когда здесь станет многолюдно. Сейчас же только в самом дальнем углу сидели двое: высокий худощавый мужчина и его собеседник, жирный, плешивый человек в дорогом свитере, явно, однако, нуждавшемся в стирке — настолько лоснились рукава. Перед худощавым стоял бокал минеральной воды, перед вторым — полноценный бизнес-ланч с борщом в горшочке, свиной отбивной с гарниром и рыбной нарезкой на длинной тарелочке.

— Я уверен, что делаю все правильно.

— Зачем тебе эта девка? Она ни на что не годная инвалидка, ты ее что же, собственноручно на каталке возить будешь? — презрительное фырканье сопровождалось отвратительным булькающим звуком — собеседник шумно прихлебывал суп из глиняного горшочка.

Тонкое породистое лицо сидящего напротив мужчины скривилось от омерзения:

— Ты свинья. Если бы не нужда — ни за что не связался бы.

— *Брезгуешь? — без видимой обиды спросил второй, вытирая пальцами с подбородка капли огненно-красного борща. — Ну-ну. Чистюля, значит? Как в дерьмо лезть — так и я, свинья, гожусь, значит.*

— *Заткнись. Ты отвлекся. Что все-таки с девушкой?*

— *Говорю тебе — гиблый номер, она ни на что не годится.*

— *Я слишком хорошо ее знаю, чтобы верить тебе. Она ни за что не смирится, и именно поэтому я должен ее получить.*

— *Но...*

— *Все, я сказал!*

Если бы плешивый мог читать мысли, то в этот самый момент узнал бы очень личную тайну этого совсем еще молодого, но уже очень влиятельного и опасного человека.

Раз-два... раз-два... Вверх-вниз... вверх-вниз... полежать на полу, отдышаться — и снова. Снова — пока не потемнеет в глазах. Только так — иначе я никогда не поднимусь, не стану прежней. Забраться с пола на кровать, вытянуться уставшим и дрожащим от напряжения телом, почувствовать прохладу постельного белья и закрыть глаза. Отдохнуть, унять дрожь в левой руке, на которой мне приходится отжиматься, сесть в постели и взять пистолет. Пока — муляж, детскую игрушку, но точную копию. Закрыть глаз,

найти мишень, прицелиться. Резиновые пульки терзают бумагу на стене, а я потом — себя, собирая их по ковру, выковыривая из длинного ворса, чтобы снова засыпать в отделение, имитирующее обойму. Мне даже в голову не приходит попросить кого-то сделать это — я должна сама, только сама. Только это может меня спасти и вылечить, поставить на ноги и дать вспомнить то, что я умела раньше. Мозг мой сумел восстановить память — так почему он никак не позволяет организму восстановить двигательную и мышечную функции? Ничего, все равно справлюсь.

Эти упражнения я повторяю ежедневно — утром и вечером. И, если хватает сил, еще днем.

В коридоре за дверью послышался надсадный кашель — Семен, мой брат. Ко мне идет, скорее всего. После ранения, полученного полгода назад, Семен уже почти полностью восстановился, но кашель так и не проходит — пуля пробил бронх, остаточные явления. Мне досталось сильнее, и вот уже шесть месяцев я буквально за волосы ставлю себя на ноги и заставляю двигаться пальцы непослушной правой руки. За попытку помочь брату разобраться с проблемами я поплатилась здоровьем — в буквальном смысле. Меня уволили с работы, и с этим тоже ничего нельзя поделать — какой теперь из меня преподаватель медицинского института? Руководство справедливо рассудило, что мне бы на ноги встать. И никакая диссертация, никакая безупречная работа не помогли. Как и папа, которому я категориче-

ски запретила вмешиваться. И — о, чудо! — мой непростой папенька согласился...

Семен вошел и присел на стул у двери:

— Привет, Сашура. Ну, как утро?

— Удалось, — я киваю на мишень, и брат снимает ее со стены, разглядывает вмятины, оставленные пульками на бумаге, и ухмыляется:

— Слушай, да ты просто монстр какой-то. С левой руки?!

— А что — у меня есть альтернатива? — Меня охватила злость: из-за него я тут лежу — такая, а он еще и подкалывает! Сидит себе как ни в чем не бывало — здоровый русоволосый бугай с широкими плечами и накачанными бицепсами, разве что покашливает, но это же мелочи! — Это у всех людей две руки, а у меня теперь — одна!

Я отвернулась к стене, и Семен расстроено проговорил:

— Саш... я же не то имел в виду... Ну, что ты, маленькая моя, — он пересел на кровать и обнял меня. — Ты обязательно поправишься, ты же у нас сильная. Даже папа удивляется, сколько у тебя силы внутри. Давай, я помогу тебе одеться — и пойдем завтракать, там Галя таких слоев напекла — ммм, по коридору идти невозможно, того и гляди слюной захлебнешься. Давай-давай, Сашка, не лежи с кислым видом.

Он тормозил меня до тех пор, пока я не сдаюсь и не согласилась спуститься к завтраку. Брат помог мне облачиться в спортивный костюм и дойти до ванной. Это, кстати, не являлось про-

блемой. Я не стеснялась переодеваться при Семене, и дело не в братско-сестринских чувствах. Семен не интересовался женщинами — никакими. Так уж вышло, что ему больше нравятся стройные голубоглазые юноши. Если бы об этом узнал наш отец — не поручилась бы я за состояние здоровья старшего брата... Но я много лет хранила его тайну, а Семен знал, что у меня — как в банковской ячейке.

— Давай руку. — Брат уже спустился на пару ступеней по лестнице и теперь подстраховывал меня, но я помотала головой.

Специально для меня отец распорядился установить перила и с левой стороны лестницы, чтобы я могла самостоятельно спуститься и подняться, не прибегая ни к чьей помощи. Папа знал, как невыносимо мне быть беспомощной, мне — привыкшей всегда и все делать самостоятельно, любившей скорость и мотоциклы.

Нога слушалась гораздо лучше, хоть я и чувствовала себя Михаилом Козаковым в «Здравствуйте, я ваша тетя!» — точно так же не могла согнуть ее в колене, а потому при ходьбе выглядела смешно. Но ничего, это временно — вот и мой доктор Фо Ду, толстый маленький китаец, друг моего мужа, говорит, что это скоро пройдет, и ежедневно мучает меня каким-то нечеловеческим массажем с пахучими маслами.

За столом уже сидел отец — так уж повелось, он всегда просыпается раньше других, но завтракать мы должны все вместе. Исключение состав-

ляет, пожалуй, только мой муж Саша. Он начальник службы безопасности папиного банка, уезжает на работу затемно и так же возвращается, и папа по этому поводу не говорит ни слова. Если бы не Саша — меня давно не было бы в живых. Муж спасал меня дважды, в последний раз — подставив себя под пулю снайпера. Едва оправившись после ранения, он начал работать, а потому принял решение временно переехать в дом отца — чтобы я не оставалась одна в большом доме, пусть и под присмотром охраны. Я была ему благодарна и понимала, насколько ему трудно далась фраза «Мы переезжаем к отцу». Мой муж слишком самостоятельный и взрослый, он на двадцать лет старше меня, почти ровесник отца — и существовать под одной крышей с тестем ему, конечно, довольно сложно. Но ради меня, ради того, чтобы я не была одна — беспомощная, еле передвигающаяся, — он сумел сделать выбор и решить так, как лучше для меня.

— Санька, доброе утро, — отец встал со своего места и подошел ко мне, взял за руку. Даже он, далеко не самый высокий мужчина, и то прилично выше меня, я в семье оказалась самой маленькой — сто шестьдесят еле-еле, тридцать шестой размер ноги и вес, который даже неприлично озвучивать.

Забавно, но при этих данных я считаю себя девушкой с мужским характером и привычками, и это вполне соответствует действительности. Па-

па порой искренне жалел, что я не родилась мужчиной.

— А ты чего дома-то? — не совсем любезно поинтересовалась я у отца. — Говорил же, что поедешь в банк.

— Не поехал, — коротко обрезал папа, усаживая меня за стол. — Ты что замер? Садись! — Это относилось к Семену, замешкавшемуся в коридоре.

— Да, пап, секунду — мне звонят. — Шаги Семена стихли — ушел в дальнюю комнату.

Отец недовольно поморщился — ждал нас к завтраку, не начинал, а тут Семен с какими-то разговорами. Правило садиться за стол всем вместе появилось в нашей семье после того, как папа вернулся после очередной отсидки и взял все в доме в свои руки. И мы соблюдали это правило, собираясь за длинным столом — Слава, старший брат, когда был еще жив, Семен, я. Потом к нам присоединились сперва Юлька — Славина жена, потом Акела — мой муж. И только Семен всегда оставался один — по понятным причинам привести в дом кого-то из своих любовников он не мог.

Теперь нас четверо. Юлька прочно обосновалась — не без папиного участия — в одиночной палате наркологической клиники, а Слава уже больше полугода на кладбище. И мы до сих пор так и не знаем, ни кто заказал моего отца, ни кто стрелял в меня и Семена. В общем, все сложно и запутанно, и папа, кажется, уже отказался от

мысли найти крайнего. Папа — но не Акела. Мой муж продолжает поиски, горя желанием, во-первых, наказать обидчика, а во-вторых, устранить опасность.

Завтракали молча. Папа был странно угрюм и погружен в какие-то размышления, Семен заметно нервничал и торопливо хлебал кофе, словно спешил покончить с едой и куда-то сбежать. Частые торопливые глотки заставляли его кашлять, он отворачивался, гулко бухал в кулак, отец морщился и наконец не выдержал, бросил на стол салфетку:

— Что мечешь, как голодная утка?! Торопись куда?

— Д-да, — выговорил брат в перерывах между приступами кашля. — Уехать мне надо срочно.

— Зачем?

— В клубе проблемы.

Недавно Семен стал хозяином ночного клуба и теперь все больше времени проводил там. Я как-то ехидно подколола его на тему ориентации заведения, но брат только головой мотнул:

— Ты что, Санька? Нормальный клуб, для всех — ты ж понимаешь...

Я понимала. Папа не оставил бы от заведения даже фундамента, если бы узнал, что оно для людей нетрадиционной ориентации.

Отец был в принципе доволен тем, что Семен занялся делом. Он считал моих братьев неудачниками, не способными в силу слабости характеров стать уважаемыми людьми. Покойный Слава номинально числился председателем правления

одной из папиных фирм, что не помешало ему выгрести из отцовского кармана приличную сумму денег для покрытия игорных долгов своей жены. Результатом явился срыв тендера на один очень важный объект, в который отец уже вложил большие деньги. Слава начал выкручиваться и попал на крючок к каким-то людям, потребовавшим у него помощи в устранении отца. Мой брат к тому времени уже сильно пил и очень испугался, однако все-таки сдался и уступил требованиям. Если бы не мой муж, папа не сидел бы сегодня за столом, намазывая на свежую слойку апельсиновый джем, а гнил бы на кладбище в той самой могиле, где сейчас лежит мой старший брат. Но именно Акела смог подменить фотографию, данную киллеру Славкой, на фото самого Славки. Папа, когда узнал, едва не убил моего мужа, посмеявшегося посягнуть на отцовское право принимать решения. Однако, немного остыв, отец — надо отдать ему должное — разобрался в ситуации и признал правоту Акелы. Так уж вышло, что Акела в нашей семье — кто-то вроде штатного ангела-хранителя, моего и папиного.

Семен уехал, а я поднялась к себе и, не чувствуя усталости, снова взялась за пистолет. У меня был взрослый разряд по стрельбе из пневматического оружия, папа в детстве отдал меня в секцию, и там я развернулась всюду, выиграв множество самых разных соревнований. Это очень пригодилось мне в жизни, а сейчас я пытаюсь

восстановить если не былую форму, то хотя бы научиться владеть оружием с другой руки. Я правша, но правая рука работает пока плохо, и потому я тренирую левую. Процент попаданий оказался несравнимо ниже, но все-таки я, несомненно, продвинулась.

Мне очень хотелось попробовать стрелять из настоящего пистолета, почувствовать в руке привычную тяжесть, запах горячего металла после выстрела — все то, что всегда вызывало во мне взрыв эмоций. Но для этого сперва нужно научиться твердо стоять на ногах.

Я дотянулась до привязанной к ножной спинке кровати толстой резине и просунула правую ногу в петлю. Вправо-влево, вверх-вниз — это упражнение, выполняемое по нескольку раз в день до боли в суставах, помогало мне восстанавливать ногу. Упругая резина оказывала нужное сопротивление, мышцы крепили, восстанавливались. Я преодолевала себя каждый день, каждую минуту, не жалея сил и времени, не жалея себя, не позволяя расслабиться или не выполнить намеченного на день плана. Именно это упорство и позволило мне довольно быстро начать передвигаться самостоятельно. И в том, что скоро я буду нормально ходить, я тоже не сомневалась.

Вечером муж вернулся мрачнее тучи. Молча чмокнул меня в щеку и начал раздеваться, повернувшись ко мне спиной. Я с трепетом наблюдала

за тем, как обнажается спина с накачанными мышцами, покрытая хитрой вязью японской татуировки. Чуть правее левой лопатки татуировка испорчена шрамом пулевого отверстия. Получилось, что у самурая, занесшего копье над поверженным врагом, нет головы и верхней части туловища — только замершая в замахе рука. Эта пуля предназначалась мне...

— Что-то случилось? — спросила я, подтягивая зажатую петлей правую ногу и придерживая ее, чтобы не уползала обратно в горизонтальное положение.

Саша не ответил, переоделся и сел ко мне на кровать:

— Ну, как ты сегодня? Как нога?

— Нога на месте. Не уклоняйся, я ведь спросила.

— Аля, случилось уже давно. Просто сегодня... В общем, со счетов одной из фирм пропала крупная сумма денег. Сейчас пытаюсь отследить, но это трудно.

— Ты подозреваешь, что кто-то из своих?

— И да и нет. С одной стороны, доступ к счетам имели только свои — а с другой... Просто некому. Главбух фирмы работает сто лет, с момента открытия — ей просто нет смысла, у нее зарплата такая, что она и пачкаться побрезгует, да и дети опять же. Кто-то из совета директоров? Тоже вряд ли — там Бесо, а он, сама понимаешь... — муж замолчал, машинально поглаживая мою руку и глядя в стену.